

**Становление и общая характеристика
института ответственности
вследствие причинения вреда в российском праве
второй половины XIX – начала XX в.**

В данной статье предпринята попытка изучения указанного правового института с позиций не только российского права, но и законодательства других государств изучаемого периода в целях выявления источников, которые могли повлиять на развитие отечественного института ответственности вследствие причинения вреда.

This article attempts to study the said legal institution, not only from the standpoint of domestic law, but also from the standpoint of the legislation of other states the study period in order to identify sources that could affect the development of the national institute of liability tort.

Ключевые слова: ответственность вследствие причинения вреда, обязательство, деликт, имущественный вред, моральный вред, возмещение убытков, компенсация за вред.

Key words: tort liability, liability, tort, property damage, non-pecuniary damage, damages, compensation for damages.

В российском гражданском праве второй половины XIX – начала XX в. (далее – российское гражданское право) обязательство понималось как «правоотношение, по которому одно лицо – веритель или кредитор может требовать от другого лица – должника того действия или бездействия, к которому он обязан»¹. По аналогии с римской правовой наукой, источником обязательства являлись договор либо причинение вреда (деликт).

Деликт определялся как гражданское преступление и подразумевал «действие недозволенное, вредное и совершенное с намерением причинить вред»². Тем не менее, среди правоведов того времени прослеживаются разно-

© Войтович Л. В., Сергеев И. В., 2015

¹ Анненков К.Н. Система русского гражданского права: в 6 т. Т. 3. СПб., 1894. С. 1.

² Шершеневич Г.Ф. Курс лекций по гражданскому обязательственному праву, читанный в 1892–1893 году экстраординарным профессором Шершеневичем. [Казань, 1893]. С. 277.

гласия относительно природы деликта и его взаимосвязи с уголовным преступлением. Несмотря на то что суть их была одинакова, различна была точка зрения, с которой они рассматривались. В уголовном праве при описании преступления правоведы в первую очередь акцентировали внимание на его нравственном значении. В гражданском же праве во внимание брался прежде всего материальный интерес лица, претерпевшего вред от правонарушения. Следствием этого является тот факт, что по уголовному закону наказывались действия преступного характера, не только причиняющие вред, но и покушающиеся на общественную безопасность. В свою очередь гражданское право карало за действия, причиняющие действительный вред конкретному лицу. По этому поводу Г.Ф. Шершеневич отмечает: «действие противозаконное, но не причиняющее вреда, не влечет за собою никаких гражданских последствий, в особенности же, покушение в гражданском праве не имеет никакого значения».

В основу российского деликтного права, по аналогии с римским правом, заложено ключевое условие наступления деликтной ответственности – осознанное намерение причинить убыток, наличие умысла. Здесь важно заметить, что по российскому гражданскому праву для вменения лицу гражданского правонарушения необходимо было наличие естественной способности к выражению воли. Иначе говоря, несовершеннолетний и человек лишенный рассудка не могли быть признаны виновными в подобных правонарушениях, следовательно, ответственность возлагалась на их законного представителя, родителя или опекуна, под надзором которого лицо находилось в момент совершения правонарушения. Но в то же время на основании ст. 653, 654 и 686 Свода законов гражданских³ малолетние, даже не достигшие десятилетнего возраста, а также душевнобольные, несут ответственность в том случае, если их родитель, опекун или лицо, под надзором которого они находятся, докажет, что оно не могло предотвратить совершения правонарушения. Однако, осознавая проблематику указанного вопроса, следует отметить, что по данному положению деликтной ответственности для наступления ответственности необходимо наличие вины, которая в свою очередь должна заключаться в осознанных действиях правонарушителя. Указанная коллизия также не была разрешена и при подготовке нового Гражданского уложения, в котором при формулировке ст. 1073, по-видимому, по аналогии со ст. 1310 Австрийского Гражданского уложения, ст. 829 Герман-

³ Свод законов Российской империи: Изд. 1914 г. Т.10. Ч.1.: Свод законов гражданских. СПб.: Сенатская тип., 1914. С. 70, 71, 74.

ского Гражданского уложения и ст. 375 Черногорского Гражданского уложения, увеличивается круг обстоятельств, при которых душевнобольные и малолетние несут имущественную ответственность. Теперь ответственность возлагалась на них лично не только в случае, если родитель, опекун или попечитель докажут невозможность предотвратить правонарушение, но и если указанные лица в силу несостоятельности (недостатка средств) не могут отвечать за вред, причиненный их подопечными. Однако названное положение в очередной раз подтверждает, что в понятие имущественной ответственности не вкладывалась необходимость наказать лицо, совершившее правонарушение, это был лишь способ возмещения убытков потерпевшего.

Существенным недостатком законодательства в области деликтных правоотношений следует также считать неопределенность границ гражданской ответственности. В российском гражданском законодательстве не определяются общий принцип гражданской ответственности, условия её наступления, а также пределы ответственности. М.Б. Горенберг констатирует: «вопрос о свойствах деяния, причинившего вред, то есть достаточно его вредоносности причиненного им материального вреда, или же для гражданской ответственности требуется, кроме того, наличие противоправности, которой было бы окрашено вредоносное деяние; достаточно причинной связи между деянием и происшедшим вредом, или же должен быть в наличии еще и умысел – эти вопросы не получили в законе категорического разрешения»⁴.

Также предусматривалась возможность совершения правонарушения под давлением третьего лица, однако по закону это давление могло быть выражено только в физической форме, нравственное же принуждение не освобождало виновного от ответственности. Предусматривалась возможность освобождения от ответственности в случае воздействия фактора внешней необходимости. Здесь подразумевается причинение вреда вследствие необходимости обороны, предполагалось, что в данном случае вред был причинен ненамеренно.

В части, касающейся деликтов вследствие причинения имущественного вреда, ключевое место занимало понятие «убыток». Оно носило двойственный характер и включало в себя имущественный убыток и упущенную выгоду.

Под имущественным убытком понималась порча вещи, как следствие, вызывающая уменьшение ее ценности. Под упущенной выгодой понималась потеря дохода, который владелец испорченного имущества мог из него из-

⁴ Горенберг М.Б. Принцип гражданской ответственности за вред и убытки, причиненные недозволенными действиями // Юрид. летопись. СПб., 1892. № 8. С. 97.

влечь. Определение указанного различия было новым для отечественной юриспруденции и позволило принципиально по-новому рассматривать саму сущность вреда.

В отличие от римского права в российском гражданском законодательстве различается личная ответственность за совершение противоправного деяния от имущественной ответственности. Тем не менее, личная ответственность нашла свое отражение скорее в уголовном законодательстве и предусматривалась за совершение преступления против публичных интересов в целях охранения общественного правопорядка. Эта ответственность всегда соразмерялась с виной, а при определении степени виновности во внимание бралось в первую очередь преступное намерение субъекта. Так, например, покушение на жизнь человека каралось уголовной ответственностью, даже если этот человек не пострадал. В то же время, лишение человека жизни без умысла или по неосторожности полностью исключало личную ответственность совершившего подобный поступок. Иначе говоря, ключевым аспектом для наступления личной ответственности было наличие умысла. В противоположность этому имущественная ответственность устанавливалась в частных интересах и необходимость ее наложения исходила не из необходимости наказать правонарушителя, а из необходимости возместить потерпевшему вред. Из данного суждения П.Н. Гуссаковским был сделан вывод: «обязанность имущественного вознаграждения за нарушение чужого права вытекает не из необходимости наложения определенной кары за проявление злой воли, выразившейся в совершенном деянии, а исключительно из принципа неприкосновенности частных прав. Между тем, в силу этого принципа, составляющего краеугольный камень современного социального строя, всякое право, в случае его нарушения должно быть восстановлено, совершенно независимо от свойства и характера тех действий, коими оно было нарушено»⁵.

Интенсивное развитие фабричного производства в конце XIX в. сказалось прямым образом на развитии деликтного права в России. Так, стала выделяться ответственность работодателя перед сотрудниками, работающими на производстве, представляющем повышенную опасность. К такой категории относились транспортные, заводские и горные предприятия. В случае если работник вследствие исполнения своих должностных обязанностей получал вред на таком производстве, он мог подать иск о компенсации вреда. При этом ему необходимо было лишь доказать факт причинения вреда.

⁵ Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями. СПб.: Сенатская тип., 1912. С. 6.

Наличие личной вины руководства предприятия не играло никакого значения. Подобная процедура распространяла свое действие даже на те случаи, когда причинение вреда происходило по личной вине сотрудника или по неосторожности, так как вред был обусловлен спецификой работы и той обстановкой, в которой ему приходилось работать. Возложение ответственности на владельца предприятия исходит из того положения, что именно он извлекал выгоду из работы сотрудников. Установление подобного вида не прямой ответственности имело весьма важное правовое значение, так как оно разрушало все предшествующие предположения о том, что справедливость не допускает возложения ответственности на того, кто не участвовал в совершении деяния по собственной воле.

Несмотря на то что понятие «недозволенные деяния» в России осознавалось и широко распространялось в правоприменительной практике, уже тогда отдельные правоведы задумывались над тем, что не каждый случай причинения вреда подпадает под понятие правонарушения или преступления. Речь идет о тех случаях, когда субъект намеренно причинял вред другому субъекту (субъектам), но это не являлось источником деликтной ответственности. Например, торговец в целях повышения спроса на свой товар, начинает продавать его по цене ниже, чем у его конкурентов. Подобным действием он причиняет вред своим конкурентам, причем делает он это совершенно осознанно. Разумеется, с точки зрения современного человека, это не что иное, как типичный принцип рыночной экономики. Но с позиции обывателя XIX в. налицо все признаки деликта: намерение, осознанность, вина, вред. П.Н. Гуссаковский по этому поводу пишет: «понятие недозволенных деяний гораздо шире, чем те деяния, которые воспрещены законом... Частное право отдельных лиц может быть нарушено не только положительными действиями, но и упущениями, то есть не совершением такого обязательного действия, исполнение которого представлялось необходимым для предотвращения вреда. Исходя из того положения, что каждый должен заботиться лично о своих интересах и не может требовать, чтобы другие лица принимали меры для охранения его от убытков»⁶. Эта точка зрения нашла свое законодательное отражение в ст. 2601 проекта нового Гражданского уложения, повторив процитированное определение понятия об упущении. В основе данной нормы лежит гипотеза о том, что наказанию может быть подвергнуто действие, нарушающее норму закона. Действие же, нарушающее нормы морали, подвергаться наказанию не может.

⁶ Гуссаковский П.Н. Указ. соч. С. 16.

Понятие «упущение» было принципиально новым для российской гражданской науки. Поэтому следует более детально рассмотреть его сущность, беря во внимание тот факт, что за нарушение нравственных требований человек, нарушивший их, не подвергается наказанию. Более того, далеко не всегда правила поведения, следующие из нравственных требований, разнятся с нормами закона и, соответственно, не преследуются с его стороны. В российском гражданском законодательстве, как и в римском праве, не было исчерпывающего перечня правонарушений, которые являлись основанием для наступления деликтной ответственности. Не было и общего принципа отнесения тех или иных деяний к категории правонарушений. Зачастую решения о наступлении или ненаступлении ответственности принимались в ходе судебного разбирательства. Так, например, в законе ничего не было сказано об ответственности владельцев ресторанов, кофеен и других общественных мест, которые обязаны были принимать меры по сохранности вещей посетителей. Между тем существование такой обязанности было вызвано судебной практикой ввиду тех отношений, которые складывались между посетителями и владельцами упомянутых мест. Можно сказать, что, например, сдавая верхнюю одежду в гардероб, посетитель и владелец заведения негласно заключали своего рода договор поклада, который уже был известен римскому праву. Приведенный пример дает четко понять, что отечественной юриспруденции, в отличие от римской, было известно, что не все правонарушения исходят из нарушения конкретной юридической нормы, они могут также возникать из общего смысла законов.

Как уже было отмечено ранее, под гражданским деликтом в российском гражданском праве понималось противоправное действие, направленное на причинение вреда. Но в этой связи возникает вопрос об обстоятельствах, которые способствовали совершению действия. По этому поводу деликты классифицировались на те, которые были вызваны прямой виной правонарушителя и те, которые стали одним из факторов возникновения правонарушения. Речь идет о тех случаях, когда правонарушение совершилось во взаимосвязи действий правонарушителя и внешнего стечения обстоятельств, причем о тех случаях, которые не попадают под понятие «по неосторожности». Например, человек развел костер на опушке леса, а внезапный порыв ветра перекинул пламя на сухие деревья или траву. Следствием этого стало выгорание значительной части лесного массива, включая ту его часть, которая находилась в частной собственности. Анализируя приведенную ситуацию можно заметить, что в самих действиях человека не было ничего запрещенного или противоправного. Он не нарушил закона, разводя

костер, но стечение обстоятельств, а именно порыв ветра, привели к возникновению вреда. И в то же время, если бы он не развел огонь, то ветер не унес бы его на деревья и вред бы не возник. Наличие такой причинно-следственной связи и обуславливало возникновение вины, так как если бы не действия человека, то вред бы не произошел.

Любое противоправное деяние не всегда влекло за собой одно последствие. Возвращаясь к приведенному примеру, предположим, что сожженный лесной массив принадлежал деревообрабатывающей фабрике, для которой он был источником древесины. Вследствие его уничтожения фабрика понесла значительные убытки и не смогла внести плату за аренду помещений, которая в свою очередь по договору найма была обеспечена неустойкой. Взыскание этой неустойки повлекло необходимость продажи личного имущества владельца фабрики, что вызвало у него серьезные нервные переживания и необходимость траты средств на лечение. Перечисленный перечень возможных убытков является приблизительным и далеко не полным. Но все эти последствия объединяет причинная связь с действиями правонарушителя, возможно и очень отдаленная, но тем не менее. В теории каждый из этих убытков должен быть возмещен правонарушителем. Но гражданские законы того времени не отражали должным образом этой необходимости. Так, в соответствии со ст. 684 Свода законов гражданских⁷ не установлено каких-либо ограничений относительно пределов имущественной ответственности. На основании этой статьи можно сделать вывод, что совершивший правонарушение субъект нес неограниченную ответственность за все возможные последствия. Иными словами, в приведенном примере на основании ст. 684 правонарушитель должен был возместить владельцу фабрики не только вред, связанный с уничтожением лесного массива, но и все вытекающие из него виды вреда.

Между тем, ст. 644 и 645 того же Свода законов гражданских [6, с. 70] обязывали правонарушителя возместить потерпевшему только те убытки, которые непосредственно причинены его действиями, за косвенные же убытки он был обязан отвечать лишь в тех случаях, когда правонарушение было совершено с намерением причинить эти убытки. Так как в приведенном примере уничтожение лесного массива было вызвано без намерения правонарушителя причинить вред, то исходя из ст. 644, 645 он должен был нести ответственность лишь за уничтожение лесного массива. Подобная кол-

⁷ Гуссаковский П.Н. Указ. соч. 1912. С. 74.

лизия затрудняет расширенное трактование понятия «возмещение вреда» по российскому праву второй половины XIX – начала XX в.

Для получения частичного представления о том, как разрешались коллизии подобного рода, следует обратиться к законодательствам других государств того же периода. Так, согласно ст. 1293, 1323, 1331 Австрийского гражданского уложения потерпевший получал право на полное возмещение убытков только в том случае, если вредоносное деяние было совершено умышленно или по грубой неосторожности. Аналогично по Германскому и Прусскому гражданским уложениям возмещению подлежали все убытки только в том случае, если деяние было совершено умышленно. В остальных же случаях объем ответственности зависел от степени неосторожности.

Отдельного рассмотрения требует группа действий, причиняющих вред, но которые были вызваны необходимостью. Здесь законодатель придерживался той позиции, что для наступления ответственности вред должен возникнуть именно из деяния, воспрещенного законом. Действия лица по защите своего права не воспрещены законом. Указанный принцип, провозглашенный законодательством, подразумевал, что каждый может пользоваться своими правами, не нарушая при этом права других. Иначе говоря, если одно лицо наносит другому лицу вред, осуществляя свое право, оно не несет ответственности за вред. Приведенное суждение следует непосредственно из ст. 2602 проекта Гражданского уложения, по которой действовавший в пределах своего права не отвечает за причиненный им вред. Тем не менее, данная норма в полной мере не отражала реальной ситуации. На практике имели место случаи, когда, например, владелец земельного участка производил выемку грунта для строительства фундамента дома. А это вызывало проседание почвы и, как следствие, разрушение стен строения на соседнем участке. Исходя из положения ст. 2602, владелец участка, строя фундамент, реализовывал свое право на пользование земельным участком. Тем не менее, его действиями был причинен вред владельцу соседнего участка. Подобная коллизия не позволяет до конца разобраться в специфике данной нормы.

По общему правилу не подлежал возмещению и вред, причиненный деянием, совершенным с согласия потерпевшего. Это правило основывалось на ст. 2603 проекта Гражданского уложения, которая гласила, что «изъявивший согласие на совершение деяния, причинившего вред, не в праве требовать вознаграждения». Здесь подразумевается, что в случае если субъект мог предвидеть последствия какого-либо действия и все же дал свое согласие на него, то он не имеет право на возмещение вреда, причиненного этим действием. Например, владелец земельного участка решил построить на нём дом.

В целях экономии средств он по согласованию с застройщиком уменьшил толщину стеной кладки. Впоследствии после постройки здание обрушилось. В этом случае владелец земельного участка не мог иметь претензий к застройщику, так как сам дал свое согласие на уменьшение толщины стеной кладки.

Процесс привлечения правонарушителя к деликтной ответственности в России второй половины XIX – начала XX в. осуществлялся, как и в Риме, на основе гражданского иска. Притом потерпевший должен был сам доказать, что вред в известном объеме последовал именно от действий правонарушителя, так как законом было сделано различие между прямым убытком, который последовал от действия, составляющего правонарушение и убытком непрямым (посредственным), который зависел не только от действий, составляющих правонарушения, но и от субъективных обстоятельств. За прямые действия, вызвавшие убыток, ответственность по общему правилу нес правонарушитель. За действия, вызванные субъективными обстоятельствами, вопрос об ответственности решался судом при изучении специфики этих обстоятельств. Но, как правило, если вред был хотя бы косвенно вызван действиями определенного лица, то это лицо не освобождалось от ответственности.

При рассмотрении дела о возмещении вреда его размер определялся судом. Причем, разумеется, крайне редко этот вред был оценен точно. Стоит заметить, что изначально оценке подлежал лишь имущественный вред. Если же недозволенное деяние заключалось в нанесении лицу оскорбления или иного вреда морального характера, то по Своду законов гражданских оно не имело права на получение денежной компенсации. В отдельных случаях всё же была предусмотрена компенсация за вред неимущественного характера. Например, если незамужнюю или овдовевшую женщину заставляли силой вступить в брак, который впоследствии был признан недействительным, то на лицо, виновное в подобном правонарушении, могло быть наложено обязательство в виде содержания женщины до тех пор, пока она не выйдет замуж. Подобная санкция наступала и в случае если незамужняя женщина была изнасилована. Позднее составители Гражданского уложения, осознавая широкое распространение причинения вреда неимущественного характера, дополнили его нормой о возмещении вреда за убытки неимущественного характера, ограничив их круг лишь телесными повреждениями, обезображиванием и оскорблением (ст. 2626).

На более поздних этапах развития российского гражданского законодательства прослеживается отход от традиционного представления о том, что государство не может нарушать гражданских прав. Первоначально законом была признана возможность, предполагающая, что ответственность государ-

ства перед частным лицом может возникнуть только в связи с нарушением им договора (государственные закупки, поставки). Позднее Правительствующим сенатом была признана возможность причинения частному лицу и внедоговорного вреда со стороны государственного служащего: «в тех случаях, когда должностные лица административных управлений являются представителями государственной власти, они лично ответственны за действия, совершенные ими во вред частным лицам без законного к тому основания»⁸. Подобное законодательное закрепление ответственности должностных лиц свидетельствует не только о появлении принципиально новых демократических веяний в отечественном законодательстве, но и о значительном опережении в этом плане большинства европейских государств того же периода. По этому поводу Н.И. Лазаревский совершенно справедливо отмечает: «словом, кажется, всеми признается, что наша сенатская практика стоит в этой области на высоте последнего слова современной науки, что установленные ею принципы, определяющие ответственность казны и чиновников, вполне соответствуют существу юридической природы государства, как фиска и как публичной власти» [4, с. 3]. В случаях, когда судом умышленно или по неосмотрительности наказанию подвергнулся невиновный человек, то он, если докажет свою невиновность, получал денежную компенсацию в размере от 100 до 600 р. за несправедливо понесенное уголовное наказание и от 10 до 60 р. за несправедливо понесенное исправительное наказание. Причем денежный штраф в указанном размере взыскивался с виновного в этом государственного служащего, в рассматриваемом случае – с судьи.

Подводя итоги, следует отметить, что основные положения института деликтной ответственности в российском праве второй половины XIX – начала XX в. были переняты из римского частного права. Об этом свидетельствуют ряд базовых принципов, заложенных в основу этого института. Большинство норм претерпели значительные изменения. Прослеживается меньшая конкретика и стремление законодателя выработать общие порядки привлечения правонарушителей к деликтной ответственности за разного рода деяния. Некоторые из них были принципиально новыми, обуславливались историческим развитием государства, некоторые были заимствованы из римского права и усовершенствованы в соответствии с требованиями времени. В большинстве норм встречаются коллизии, осложняющие современному исследователю изучение некоторых вопросов. В работах исследователей рас-

⁸ Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего сената / 1878: № 162; 1875: № 490; 1887: № 14.

сма­три­вае­мо­го пе­ри­о­да встре­ча­ют­ся по­пы­тки те­о­ре­ти­че­ско­го обос­но­ва­ния от­дель­ных по­ло­же­ний от­вет­ствен­но­сти. На­при­мер, раз­де­ле­ния по­ня­тий у­го­лов­но­го пре­ступ­ле­ния и гра­ждан­ско­го пра­во­на­ру­ше­ния. В боль­шин­стве слу­чаев де­лик­тная от­вет­ствен­ность пред­по­ла­га­ла на­ли­чие двух ос­нов­ных со­ста­вляю­щих: у­мыш­лен­но­го дей­ствия и вре­да. Од­на­ко в не­ко­то­рых слу­чаях учи­ты­ва­лись внеш­ние об­сто­ятель­ства, та­кие как не­ос­то­рож­ность и край­няя не­об­хо­ди­мость. Все это сви­де­тель­ствует об осоз­на­нии за­ко­но­да­те­лем важ­но­сти рас­сма­три­вае­мо­го ин­сти­ту­та в си­сте­ме об­ще­ствен­ных пра­во­от­но­ше­ний.

Список литературы

1. Ан­нен­ков К.Н. Си­сте­ма рус­ско­го гра­ждан­ско­го пра­ва: в 6 т. – СПб., 1894. – Т. 3. – 905 с.
2. Горенберг М.Б. Принцип гражданской ответственности за вред и убытки, причиненные недозволенными действиями // Юрид. летопись. – СПб., – 1892. – № 8. – 116 с.
3. Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями. – СПб.: Сенатская тип., 1912. – 156 с.
4. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами: Догматическое исслед. – СПб., 1905. – 705 с.
5. Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. – 1878: № 162; 1875: № 490; 1887: № 14.
6. Свод законов Российской империи: Изд. 1914 г. – Т. 10. – Ч.1.: Свод законов гражданских. – СПб.: Сенатская тип., 1914. – 1104 с.
7. Шершеневич Г.Ф. Курс лекций по гражданскому обязательственному праву, читанный в 1892–1893 году экстраординарным профессором Шершеневичем. – [Казань, 1893]. – 283 с.